

Глава 17. В ореоле нежности

Грохот битой посуды разорвал тишину. В одной из полумрачных комнат на Звезде Тяньшу маленький чайный столик перевернулся, сметённый яростным ударом. Фигура, застывшая на диване, резко вскочила, отшвырнув ногой осколки, впившиеся в ворс ковра, и бросилась к окну.

— Проклятье! Будь оно всё проклято! — процедил он сквозь зубы, глядя на тусклую россыпь звёзд в ночном небе. Кулак с побелевшими костяшками тяжело обрушился на каменный подоконник, отозвавшись глухим, болезненным стуком.

[Хозяин, к чему этот гнев?]

Внезапно раздался холодный, лишённый человеческих интонаций механический голос. В его безжизненном звучании, вопреки отсутствию эмоций, сквозила едва уловимая издёвка.

— Заткнись! Что ты понимаешь?! В прошлой жизни этот человек... а в этой? Он действительно вступил в брак!

С момента их помолвки всё пошло наперекосяк, сорвалось с привычной колеи. А теперь они и вовсе сбежали! Воспоминание о недавних записях в «Звёздном блоге» жгло разум, доводя до иступления.

[Это никак не связано с вашим заданием] — напомнил голос системы, и в этой ледяной констатации послышалось явное осуждение.

— Я сказал — молчать! Что ты, жалкая железка, можешь знать!

Если всё окончательно выйдет из-под контроля, то его главное преимущество, его опора в этом перерождении — знание будущего — превратится в прах. К тому же, тот человек...

[Позволю себе заметить, ваша цель...] — начал было механизм, но договорить ему не дали.

— Заткнись! — сорвался на крик человек у окна. В порыве ярости его голос прозвучал пугающе громко, а взгляд стал диким, как у загнанного в угол зверя.

Система умолкла. В комнате воцарилась тяжёлая тишина, нарушаемая лишь прерывистым, хриплым дыханием.

— Господин? — из-за закрытой двери донёсся осторожный, приглушённый вопрос слуги, привлечённого шумом.

***

Тем временем в бескрайнем море звёзд, среди сияющих созвездий, плавно скользил белоснежный частный корабль.

В ванной комнате клубился густой влажный пар. Зеркало над раковиной давно затянуло плотной белесой пеленой, а из огромной купели доносился мерный плеск.

Бай Юньцзи полулежал в воде, откинув голову на бортик. Его серебристо-белый хвостовой плавник лениво ударял по поверхности, поднимая каскады брызг, а в мареве тумана едва угадывались безупречные линии пресса.

Юноша поднял руку над водой. На кончиках его пальцев покоилась серебристая чешуйка, переливающаяся в свете ламп изысканным жемчужным блеском. Она отличалась от его собственной — была более округлой и нежной. Это была чешуя его матери.

Бай Юньцзи замер, заворожённо глядя на неё, и плеск воды постепенно стих. Внезапно он сел, подняв тучу брызг, и коснулся чёрного кулона на шее — той самой пространственной кнопки, которую ему надел Гу Тинлань.

Ранее он уже проверял её содержимое ментальной силой: внутри оказались два новейших армейских меха, огромный запас энергетических камней, одежда, привычные предметы обихода и даже сухпайки с питательными растворами. Гу Тинлань предусмотрел буквально всё.

Держа в руках две самые ценные для него вещи, Бай Юньцзи на мгновение задумался. Затем он медленно свёл ладони, чёрный кулон едва заметно мигнул, и серебристая чешуйка мгновенно исчезла, переместившись в хранилище.

Убедившись, что реликвия в безопасности, юноша наконец поднялся. Стоило ему выйти из воды, как чешуя ниже пояса начала таять, и вскоре вместо хвоста в пене вод показались стройные, сильные ноги.

Накинув банный халат, Бай Юньцзи босиком толкнул дверь в спальню и замер на пороге, ошеломлённый увиденным. На широкой кровати, которую Гу Тинлань так заботливо подготовил для него, уже кто-то лежал. Мужчина, прислонившись к изголовью, неторопливо листал бумажную книгу. Услышав шум открывшейся двери, он слегка повернул голову.

Встретившись с Гу Тинланем взглядом, Бай Юньцзи вдруг осознал очевидное: на этом корабле была всего одна спальня. Естественно, им придётся спать в одной комнате. К тому же, после того как вчера его на руках внесли в эту опочивальню, требовать отдельные комнаты было бы по меньшей мере странно.

Вихрь мыслей пронёсся в голове за долю секунды. Под пристальным взглядом супруга Бай

Юньци мягко улыбнулся и уверенно шагнул в комнату, ничем не выдав своего мимолётного замешательства.

Гу Тинлань смотрел на него, не отрываясь. Его тёмные, сияющие глаза впитывали каждый нюанс: то, как юноша ступает босыми ногами по ковру, как блестят лазурью зрачки под сенью серебристых ресниц, как алеют губы, распаренные жаром воды, и как капли, сбегая по ключицам, исчезают в вырезе халата. Сердце в груди забилося так неистово, что, казалось, вот-вот сломает рёбра.

Лишь когда взгляд упал на мокрые серебряные волосы, рассыпавшиеся по плечам, Гу Тинлань очнулся от этого наваждения. Осознав, о чём только что думал, он почувствовал, как кончики его ушей предательски вспыхнули. Мужчина отложил книгу и поднялся с постели.

Достав из пространственной кнопки мягкое толстое полотенце, Гу Тинлань обошёл кровать и, усадив Бай Юньци на край, встал перед ним. Он принялся бережно просушивать тонкие пряди, тихо спросив:

— Почему не высушил волосы в ванной?

Бай Юньци слегка приподнял голову, глядя на него снизу вверх. Его взгляд как бы невзначай скользнул по ярко-алой мочке уха Гу Тинланя, и в глубине синих глаз промелькнула едва заметная смешинка.

«Не люблю», — ответил он на языке жестов.

Юноша терпеть не мог автоматические сушилки. Они мгновенно вытягивали влагу из кожи и волос, оставляя после себя странное чувство сухости, которое было для него мучительнее, чем если бы кто-то провёл рукой против чешуи на его хвосте.

— Тебе неприятно, когда я так делаю? — Гу Тинлань на миг замер. Он только сейчас вспомнил, что Бай Юньци — русалка, и для него естественнее оставаться во влажной среде. Раньше он об этом как-то не задумывался...

«Нет, мне очень нравится», — покачал головой Бай Юньци и снова улыбнулся.

За те несколько дней, что прошли после свадьбы, он, благодаря искренности и открытости Гу Тинланя, уже научился безошибочно угадывать большинство его чувств.

Как и ожидалось, едва начавшие бледнеть уши мужчины снова окрасились в густой пунцовый цвет. Это зрелище было поистине очаровательным.

Услышав это «очень нравится», Гу Тинлань почувствовал, как сердце пропустило удар. Он утонул в смеющихся лазурных глазах напротив и долго не мог отвести взор.

Когда он наконец пришёл в себя, волосы юноши уже высохли, а сам Бай Юньци с любопытством листал книгу, которую Гу Тинлань бросил на кровать.

«Всё?» — спросил юноша, закрывая книгу и поднимая голову, когда почувствовал, что руки над ним замерли.

Гу Тинлань кивнул, ощущая неловкость. Он молча унёс полотенце в ванную и только забросив его в очиститель, смог облегчённо выдохнуть, справляясь с волнением.

Когда он вернулся, Бай Юньци уже переоделся в пижаму и лежал под одеялом, отвернувшись к стене. Он предусмотрительно занял внутреннюю сторону кровати, оставив край для супруга. Гу Тинлань медленно подошёл к постели. Глядя на приготовленное для него место, он почувствовал, как лишние мысли исчезают, оставляя в душе лишь бесконечную нежность.

Этот корабль он выбирал сам. Вещи закупились по его приказу. Комнату он обустроивал своими руками. И после того, как вчера он решился перенести спящего принца в главную спальню, он больше не собирался — да и не мог — отступить.

Матрас слегка просел, когда Гу Тинлань лёг рядом. В комнате воцарилась тишина, но тепло, исходящее от мужского тела под общим одеялом, красноречиво напоминало о его присутствии. Бай Юньци помедлил мгновение, а затем медленно повернулся лицом к супругу.

Гу Тинлань лежал на спине, чинно сложив руки на животе. Заметив движение, он повернул голову, ожидая, что юноша хочет что-то сказать.

«Спокойной ночи», — Бай Юньци выпростал руку из-под одеяла и, глядя в его прекрасные чёрные глаза, с улыбкой показал жест.

Гу Тинлань замер. Осознав смысл сказанного, он почувствовал, как в глубине его зрачков вспыхнул яркий свет. Уголки его губ дрогнули в ответной улыбке.

— Спокойной ночи, — негромко произнёс он.

Свет погас. Корабль погрузился в абсолютную тишину, и казалось, что море звёзд за иллюминатором тоже заснуло, погрузившись в сладкие грёзы.

***

Ни на корабле, ни в открытом космосе нет смены дня и ночи. Здесь само течение времени кажется чем-то несущественным.

Бай Юньци проснулся от вибрации квантового компьютера. Медленно открыв глаза, он

обнаружил, что место рядом с ним пустует. Если бы не сохранившееся под одеялом чужое тепло, он бы решил, что прошлая ночь была лишь сном.

Окончательно придя в себя, юноша взглянул на экран устройства. Увидев имя, которое настойчиво всплывало в уведомлениях, он почувствовал, как начинает болеть голова.

Ему совсем не хотелось сразу после пробуждения выслушивать допросы и упрёки младших братьев. Вчера он заблокировал номера старших членов семьи, но совсем забыл про этих двоих. Видимо, утром они увидели его запись в блоге и теперь обрывали связь.

Бай Юньци вздохнул. Только-только задобрил братьев, и вот — опять скандал. С этой мыслью он безжалостно сбросил вызов и быстрым движением отправил аккаунты принцев в чёрный список.

Глядя на аккуратный перечень заблокированных членов императорской семьи, он почувствовал, как остатки утренней сонливости исчезают, а настроение стремительно улучшается.

«Семья должна быть в полном сборе, — весело подумал он, — даже в списке отказов».

В этот момент дверь каюты открылась, и вошёл Гу Тинлань. Он замер на пороге, застигнутый врасплох: Бай Юньци, полузакрыв глаза и счастливо улыбаясь, катался по кровати, обнимая угол одеяла.

Эта неожиданная сцена поразила Гу Тинлania в самое сердце. Он застыл, а в голове пронеслась лишь одна мысль: «Какой же он милый... Сонный Юньци просто невероятно милый...»

Бай Юньци, заметив его, почувствовал, что готов провалиться сквозь землю. Он задеревенел, медленно выпустил из рук одеяло и невольно распахнул глаза. Улыбка на его лице словно застыла, превратившись в неподвижную маску.

Гу Тинлань в дверях не шевелился. Бай Юньци, всё ещё сидя в ворохе одеял, понял, что сопротивление бесполезно. Он оставил тщетные попытки казаться невозмутимым и, сохраняя свою теперь уже странную улыбку, медленно выпрямился.

«Доброе утро», — в этой неловкой тишине Бай Юньци помедлил, а затем всё же поприветствовал супруга на языке жестов, не меняя застывшего выражения лица.